

Направляющая линия Ostpolitik и энергетический шок в Германии

После падения ВВП на 0,3 % в 2023 году и прогнозируемого МВФ роста на 0,2 % в 2024 году можно говорить о стагнации экономики Германии. Особенно страдают энергоёмкие отрасли: сталелитейная, алюминиевая, цементная, стекольная, бумажная, нефтехимическая. В 2022 году объём производства в этих секторах сократился на 7 %, а в 2023-м – ещё на 10 %. Химическая промышленность вернулась к уровню 1995 года после 20-процентного падения по сравнению с уровнем до эскалации 2022-го на Украине.

Разрыв энергетической связи с Россией, символизируемый взрывом трёх из четырёх веток газопроводов “Северный поток” 1 и 2 в Балтийском море, не является единственной причиной немецкой стагнации, но этот энергетический шок, безусловно, имеет важные последствия. Германия является крупнейшим потребителем газа в ЕС, и на этот источник приходится четверть её первичного энергопотребления. До войны на Украине около половины этого газа импортировалось из России. Вынужденное ускорение энергетического перехода совпало с ростом цен на газ – тот самый энергоноситель, который Германия намеревалась использовать в качестве переходного в течение многих лет. Чтобы снизить цены, был отменён налог на электроэнергию, введённый в 2000 году для финансирования энергетического перехода. Таким образом, средства теперь придётся искать в других местах. В то же время возникает вопрос, как страна сможет тратить 2 % ВВП на оборону после того, как будет израсходован специальный фонд в размере 100 млрд евро, предназначенный для вооружённых сил. Финансирование тройного перехода – электрического, цифрового и военного – стало центральным вопросом, который ставит правящую трёхстороннюю коалицию в крайне затруднительное положение.

Экономическая модель под вопросом

Министр финансов Кристиан Линднер, представитель либеральной СвДП, ратует за *Wirtschaftswende*, экономический поворот, призывая к снижению налогового бремени, уменьшению бюрократии и отмене экологических стандартов, которые считаются слишком строгими. Чтобы сохранить бюджетную строгость, он призывает к экономии на социальных расходах. Министр экономики Роберт Хабек из партии “зелёных” предлагает совершенно иной рецепт: больше государственного вмешательства для поддержания конкурентоспособности в период энергетического перехода с помощью субсидий, финансируемых за счёт долга. Арбитром в споре между этими двумя линиями выступает Олаф Шольц. Как это часто бывает с арбитрами, социал-демократический канцлер вызвал критику со стороны всех промышленников, которые считают, что к ним недостаточно прислушиваются. Его партия, СДПГ, скорее поддерживает линию Хабек и выступает против сокращения социальных расходов. В корпоративном мире нет чёткого разделения на два лагеря, поддерживающих Линднера или Хабек. Каждый определяет свои требования в соответствии с собственными интересами, не в последнюю очередь потому, что «*важность стоимости энергии как фактора конкурентоспособности варьируется от отрасли к отрасли*».

По мнению Мартина Брудермюллера, который покинет компанию BASF в конце апреля после восемнадцати лет работы на руководящих должностях, шесть из которых он провёл в качестве генерального директора, высокие цены на энергоносители являются «*тревожным фактором*» для немецкой промышленности. К настоящему времени газ в Германии стоит «*в три-четыре раза дороже*», чем в США. Поэтому требуются «*уступки в других аспектах*», а также новая промышленная политика (*Handelsblatt*, 22 апреля). Сразу после эскалации на Украине глава химического гиганта потребовал сохранить поставки российского газа ещё на четыре-пять лет. В случае немедленного прекращения поставок, предупредил он, в Германии будет «*высокий уровень безработицы*», а многие компании обанкротятся: это нанесёт «*непоправимый ущерб*» (*Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung*, 3.04.2022). В недавнем интервью Брудермюллер отстаивает свою позицию: «*Мои предупреждения не были преувеличены*». Дело в том, что «*общество ещё не осознало всех происходящих сдвигов*»:

«Наша промышленная структура изменится, у нас будет меньше промышленности» (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 23.03.2024).

Партнёрство BASF и “Газпрома”

BASF не только является крупнейшим потребителем природного газа в Германии, но и играла важную роль в энергетическом партнёрстве с Россией. Через компанию Wintershall, специализирующуюся на разведке и добыче нефти и газа, которую BASF приобрела в 1969 году, химический гигант вступил в партнёрство с “Газпромом” в начале 1990-х годов в области добычи, трубопроводной транспортировки и распределения российского газа. Wintershall и “Газпром” были одними из основных групп, стоящих за строительством газопроводов “Северный поток” 1 и 2, совместно с Engie (Франция), Gasunie (Нидерланды) и E.on (Германия). *«Сотрудничество с “Газпромом”, – объясняет Брудермюллер, – изначально было направлено на то, чтобы разрушить монополию Ruhrgas».* Это позволило снизить цену на газ в Германии, от чего *«вся страна выиграла».*

В этих словах есть доля правды, поскольку в начале 1990-х годов Ruhrgas занимал 75 % рынка Западной Германии, а также имел монополию на импорт российского газа. После распада СССР и либерализации энергетического рынка по инициативе Европейского сообщества валовая прибыль Ruhrgas в период с 1991 по 2000 год сократилась почти вдвое, а доля рынка упала до 55 %, а после 2000 года даже ниже 50 %. Компания, доминировавшая на газовом рынке, была куплена в 2003 году компанией E.on, затем разделена, продана по частям и ликвидирована в 2013 году (Dietmar Bleidick, “Die Ruhrgas 1926 bis 2013”, 2018).

Теперь BASF перевернула новую страницу: к концу 2023 года Wintershall был продан, и теперь концерн планирует инвестировать 4 миллиарда в электрификацию своих производственных процессов и строительство ветряных электростанций в Северном море. Таким образом, разрыв энергетической связи с Россией кажется свершившимся. Однако в истории уже были случаи, когда взаимодополняемость российского сырья и немецких промышленных товаров возрождается после бурного разрыва.

Историческая взаимодополняемость

В конце XIX века экспорт немецких промышленных товаров в Россию и импорт сырья, в основном пшеницы, сильно возросли. Такие концерны, как Siemens и AEG, сыграли важную роль в электрификации России. Другие немецкие концерны участвовали в развитии железнодорожной сети России и создании её тяжелой промышленности. Первым на рынок вышел Siemens, получивший в 1853 году контракт на строительство телеграфных линий. Однако если в начале XX века Германия доминировала в экспорте промышленных товаров в Россию (в 1913 году 47 % российского импорта поступало из Германии), то в финансовом секторе французский капитал превышал капитал немецких банков (John Lough, “Germany’s Russia Problem”, 2021).

В 1914 году начало первой мировой войны ознаменовало разрыв российско-германских отношений. После первого соглашения об экспорте немецких локомотивов в 1920–1921 годах отношения были восстановлены Рапалльским договором в 1922 году, когда власть в России всё ещё находилась в руках большевиков. *«Капиталисты сами продадут нам верёвку, на которой мы их повесим», –* сказал бы Ленин. Вальтер Ратенау, министр иностранных дел Берлина, присутствовавший при подписании договора, был хорошо осведомлён о промышленных интересах Германии в России, поскольку его отец был основателем компании AEG, председателем наблюдательного совета которой он являлся с 1912 года. С 1923 по 1932 год СССР был для Siemens наиболее важным рынком сбыта. В 1932 году, когда уже победила сталинская контрреволюция, 75 % немецкого экспорта станков для металлообрабатывающей промышленности всё ещё предназначалось для этого рынка. В то время немецкий экспорт в СССР в четыре раза превышал экспорт в Великобританию и в пятнадцать раз – экспорт в США (Hartmut Pogge von Strandmann, “Grossindustrie und Rapallopolitik. Deutsch-Sowjetische Handelsbeziehungen in der Weimarer Republik”, 1976).

Несмотря на сокращение торговли и прекращение военного сотрудничества между Германией и СССР начиная с 1933 года, в 1940 году 52 % российского экспорта шло в Германию. Для зерна и нефти эти показатели достигали 77 и 75 % соответственно (Андрей Зубов и др., “История России, XX век. 1939–2007”. “АСТ-Астрель”, 2009). Такие высокие

показатели были обусловлены тем, что после 1939 года Германия больше не имела доступа ко многим рынкам, а также попыткой Сталина умерить аппетиты Гитлера за счёт увеличения экспорта; 22 июня 1941 года Германия вторглась в СССР.

Российский газ, немецкая сталь

Экспорт нефти из СССР в Западную Европу возобновился в 1955 году. С 1959 года немецкие компании, такие как Hoechst, Mannesmann и Thyssen, начали экспортировать стальные трубы для строительства трубопровода “Дружба”. Несмотря на американское эмбарго, работы были завершены, и по сей день сырая нефть поставляется по этому газопроводу в Центральную Европу.

Уже летом 1966 года СССР выразил заинтересованность в экспорте природного газа и в Западную Европу. Впоследствии, в 1967 году, были начаты переговоры с Италией (с участием SNAM, дочерней компании государственного энергетического концерна ENI), Францией (с Gaz de France) и Австрией (с ÖMV). Через год в Вене было заключено первое соглашение “газ – трубы”, формула которого предполагала, что СССР поставит газ, а Австрия – стальные трубы для строительства газопровода. Переговоры о заключении аналогичного контракта между Ruhrgas и СССР начались в 1969 году и были завершены в начале 1970-го. В 1973 году начались поставки российского газа в Западную Германию, и благодаря последовательным стандартным контрактам увеличение объёмов позволило Ruhrgas установить своё доминирующее положение в Федеративной Республике. Зависимость от российского газа примерно на 30 % рассматривалась не как риск, а как удачная политика диверсификации (D. Bleidick, *op. cit.*).

Надежда на выход из текущей экономической стагнации за счёт быстрого восстановления отношений с Россией наиболее ярко проявляется в ультраправой партии “Альтернатива для Германии” (АдГ) и Союзе Сары Вагенкнехт (BSW). В СДПГ эта идея проявляется в ностальгии по Ostpolitik Вилли Брандта и, возможно, в призыве “заморозить” войну на Украине. Если быстрое восстановление энергетической связи с Россией, похоже, исключено, то наследие этих исторических отношений остаётся нераспутанным узлом.

Апрель 2024 г.